

12+

Николай Торденков

Последний архив

*Их вычеркнули
из истории, но архив
помнил их имена*

Николай Горденков

**Последний архив. Их
вычеркнули из истории,
но архив помнил их имена**

«Издательские решения»

Горденков Н. А.

Последний архив. Их вычеркнули из истории, но архив помнил их имена / Н. А. Горденков — «Издательские решения»,

Молодой архивист находит неучтённый ящик с карточками бойцов, которых официально никогда не существовало. Тринадцать имён, приказ об уничтожении и странная пометка: «Не уничтожено». Расследование приводит его к исчезнувшему воинскому эшелону, старому архивисту, десятилетиями хранившему тайну, и голосам тех, кого лишили даже права быть помянутыми. «Последний архив» — повесть о памяти, цене правды и долге перед теми, кого вычеркнули из истории.

Содержание

Николай Горденков	6
ПОСЛЕДНИЙ	7
Повесть	7
Санкт-Петербург — Москва	8
Глава 1. Ящик №47	9
Глава 2. Эшелон	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Последний архив
Их вычеркнули из истории,
но архив помнил их имена**

Николай Алексеевич Горденков

© Николай Алексеевич Горденков, 2026

ISBN 978-5-0071-1665-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Горденков

ПОСЛЕДНИЙ АРХИВ

Повесть

*«Их вычеркнули из истории.
Но архив помнил их имена.»*

Санкт-Петербург — Москва

2026 год

АННОТАЦИЯ

Молодой архивист находит неучтённый ящик с карточками бойцов, которых официально никогда не существовало. Тринадцать имён, приказ об уничтожении и странная пометка: «Не уничтожено». Расследование приводит его к исчезнувшему воинскому эшелону, старому архивисту, десятилетиями хранившему тайну, и голосам тех, кого лишили даже права быть помянутыми. «Последний архив» — повесть о памяти, цене правды и долге перед теми, кого вычеркнули из истории.

Глава 1. Ящик №47

Запах стоял такой, что перехватывало дыхание. Смесь вековой пыли, сырого картона и того неуловимого аромата, которым пахнет только война, даже когда от неё остались лишь бумаги. Я открыл четвёртый ящик за сегодня и чихнул.

— Не простудись, — буркнул Васильич из-за соседнего стола. — Говорил же, респиратор бери.

— Я не простужусь, — ответил я, вытирая слёзы. — Это они.

— Кто — они?

— Бумаги. Они живыми пахнут.

Васильич хмыкнул, но ничего не сказал. Он работал в архиве с девяностых и привык ко всему. Я же — новичок. Полгода назад пришёл по распределению, радовался, что попал в Центральный архив Министерства обороны, думал — буду прикасаться к истории. А оказалось — прикасаться к пыли. Тысячи дел, сотни тысяч фамилий, и все они уже давно либо умерли, либо пропали без вести.

Но сегодня что-то было не так.

Ящик №47 не входил в опись. Вообще не числился. Я перепроверил три раза — его не должно было быть здесь. Странно, что его вообще принесли. Я заглянул внутрь. Вместо обычных папок с прошитыми нитками делами — десяток карточек. Тонких, почти истлевших по краям. На каждой — имя, фамилия, год рождения, звание. И три коротких слова внизу: «Без вести пропал».

Я взял верхнюю карточку.

Сергей Ефимович Абрамов. 1918 г. р. Красноармеец. 29-я отдельная штрафная рота. Без вести пропал. 14 июля 1942 года.

Штрафная рота. Я нахмурился. Судя по дате — первый год войны, самое пекло. Ржев, наверное. Или Демянск. Таких карточек в архиве много. Но почему они в отдельном ящике?

Я перевернул карточку. С обратной стороны, почти неразборчивым, выцветшим карандашом было дописано:

«Не числится. Приказано уничтожить. Не уничтожено».

И подпись. Неразборчивая. Но дата стояла чётко — 1946 год.

Мне стало не по себе. Я положил карточку на стол и потянулся за следующей. Мария Петровна Кузнецова. 1921 г. р. Санинструктор. Штрафная рота. Без вести пропала. 8 августа 1942 года. На обороте те же слова. И ещё четыре карточки. И ещё пять. Все — штрафники. Все — без вести пропавшие. Все — приказано уничтожить.

За окном уже смеркалось. Васильич собрался домой.

— Ты чего завис? — спросил он, натягивая куртку. — Закрывайся, завтра доделаешь.

— Васильич, — позвал я. — А такое бывает? Чтобы целую партию дел приказали уничтожить?

Он посмотрел на ящик и вдруг побледнел. По-настоящему, так, что его обветренное лицо стало серым.

— Ты это откуда взял?

— Принесли сегодня. С остальными.

— Не трогай их, — сказал он глухо. — Слышишь? Не трогай. Сдай обратно в отдел. Скажи, что ошибка. Ты этих людей не знаешь. И знать не хочешь.

— Почему?

— Потому что их нет, — ответил Васильич. — Их никогда не было. И быть не должно. Помнишь, что у нас в уставе написано? Все архивы подлежат учёту. А если архив не учтён — значит, он не существует. И людей этих тоже нет.

Он ушёл. Я остался один.

В читальном зале зажглись лампы — автоматические, с датчиками движения. Где-то в дальнем коридоре загудел старый холодильник. А я сидел и смотрел на карточки.

И тогда я услышал это.

Сначала показалось, что сквозняк. Но окна были закрыты. Звук шёл из ящика. Слабый, едва различимый — будто вдалеке стучали колёса поезда. Ту-тук-тук. Ту-тук-тук. Я наклонился ближе.

И карточка Абрамова слегка дрогнула.

Я отшатнулся. Сердце забилося часто-часто. Надо было просто закрыть ящик, пойти домой и забыть. Но вместо этого я взял следующую карточку.

Алексей Иванович Соколов. 1917 г. р. Лейтенант. Штрафная рота. Без вести пропал. 22 ноября 1942 года.

На обороте — та же надпись. Но ниже, тем же карандашом, приписка:

«Вернуть. Не вышло. Ждём поезд».

Поезд.

Я снова услышал стук. Теперь он был громче. И ближе. Будто поезд подходил к перрону. Но откуда здесь, в архиве, в центре Москвы, мог взяться поезд?

Я положил карточку. Собрал остальные в стопку. Зачем-то пересчитал их. Тринадцать штук. Тринадцать карточек, тринадцать имён, тринадцать судеб, которых никогда не было.

И тут я заметил, что на одной из карточек нет имени. Вместо имени стоял прочерк. И год рождения — 1923. Штрафная рота. Без вести пропал. На обороте — та же фраза о возвращении. И подпись. На этот раз разборчивая.

Я прочитал её и замер.

Это была моя фамилия.

Глава 2. Эшелон

Я сидел в читальном зале до полуночи.

Свет автоматически погас трижды — датчики движения фиксировали мои перемещения и снова зажигались. Гул холодильника стих где-то к одиннадцати, и в наступившей тишине я слышал только собственное дыхание и стук собственного сердца.

Карточка с моей фамилией лежала передо мной.

Прочерк. 1923 г. р. Штрафная рота. Без вести пропал. 22 ноября 1942 года.

Я перевернул её. На обороте — подпись. Моя? Нет, не совсем. Почерк был похож, но старше, неразборчивее. Твёрже. Буквы ложились под наклоном, как у человека, который привык писать в поезде или на коленке. И ещё одна деталь: буква «д» в моём почерке — с петлёй внизу, а здесь — с петлёй сверху.

Значит, не я. Другой. Тёзка.

Я открыл ноутбук и начал искать. Объединённая база данных «Мемориал», сайт «Память народа», оцифрованные архивы Министерства обороны. Ввёл «Соколов Алексей Иванович 1917» — нашёл. Шесть человек с таким именем и годом рождения. Все числятся пропавшими без вести.

Ввёл «Абрамов Сергей Ефимович 1918» — четыре варианта. Один из них — тот самый, из ящика. Но в базе значилось: «Красноармеец, 23-я стрелковая дивизия, пропал без вести 14.07.1942». Никакой штрафной роты.

Я проверил остальные карточки. Та же история: в официальных базах они числятся в обычных частях, без пометки «штрафная». Кто-то и когда-то подчистил их биографии. Убрал позор. Или убрал память.

Зачем? Ответа не было.

Тогда я решил искать по дате. 22 ноября 1942 года. Что происходило на фронте в этот день? Я открыл хронологию Сталинградской битвы. 22 ноября 1942 года — день, когда началась операция «Уран». Юго-Западный и Донской фронты перешли в наступление, окружили 6-ю армию Паулюса. Самый переломный момент войны.

И именно в этот день мой тёзка пропал без вести. В штрафной роте. В день, когда вся страна праздновала успех.

Я перевернул следующую карточку — Соколов Алексей Иванович, 1917 года рождения, пропал 22 ноября 1942 года. Та же дата. Тот же день.

Я проверил остальные карточки из ящика. Даты разнились: 14 июля, 8 августа, 19 сентября, 4 октября. Все — лето-осень 1942 года. Все — разные дни. Но на каждой из них на обороте стояла одна и та же странная приписка: «Вернуть. Не вышло. Ждём поезд».

И вдруг я понял, что значит «поезд».

Я встал и прошёл в соседний отдел — к картотеке воинских перевозок. Там, в пыльных шкафах, хранились документы о перемещении войск. Я нашёл папку за 1942 год. Перелистал страницы, покрытые выцветшими чернилами и типографской краской.

Вот он.

Воинский эшелон №4729. Отправление: 10 ноября 1942 года. Станция отправления: Ташкент. Станция назначения: Сталинград.

В графе «состав» было написано: «Штрафная рота, личный состав — 178 человек. Сопровождающие — 3 офицера, 1 старшина. Вооружение — отсутствует».

Я замер.

Внизу — пометка красным карандашом, сделанная явно позже: «Эшелон не прибыл. Связь потеряна 22.11.42. Личный состав считать пропавшим без вести. Документы передать в Архив особого отдела. Уничтожить по истечении 3 лет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.